

МИРЫ МАКСА ФРАЯ

МАКС ФРАЙ

**Я ЕЩЁ С ЧАСОК
ПОПЛАЧУ***

* «Нет, нет, я ещё с часок поплачу» — реплика Ланса из пьесы Шекспира «Два Веронца» в переводе В. Левика и М. Морозова.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ф82

*В книге упоминаются
Instagram и Facebook, принадлежащий Meta Platforms Inc.,
которая признана экстремистской на территории
Российской Федерации*

Фрай, Макс
Ф82 Я ещё с часок поплачу / Макс Фрай. — Москва :
Издательство АСТ, 2026 — 224 с. — (Миры Макса Фрая:
неизданное).

ISBN 978-5-17-186847-5

«Нет, нет, я еще с часок поплачу», — говорит шут (слуга) Ланс в пьесе Шекспира «Два веронца», и потом начинает смешить зрителей рассказами о своей семье и дурацкой собаке. Вот и автор этой книги обещает часок поплакать, а на самом деле развлекает и смешит. А что многие читатели будут смеяться сквозь слёзы, так время нынче такое. Нельзя без слёз.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-186847-5

© Макс Фрай, текст, 2026
© Екатерина Фerez, иллюстрация, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Автор благодарит Уильяма Шекспира за пьесу «Два веронца», студентов программы «Театральное искусство и актёрская игра» Европейского гуманитарного университета за экзаменационный спектакль «Harashe», Константина Буковецкого за то, что выбрал для финальной сцены спектакля монолог Ланса и отлично его сыграл. Всё это вместе помогло мне то ли вспомнить, то ли заново вывести правило: когда кажется, будто в моих делах больше не осталось ни цели, ни смысла, ни надежды на то, что они однажды снова появятся, можно просто рассказать ещё десяток-другой историй — таких, что и цели, и смысл, и надежда вернутся, как миленькие.

Не для меня, так для вас.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДПОСЛЕДНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ	
ПОШАГОВАЯ ИНСТРУКЦИЯ ДЛЯ ПУТЕШЕСТВУЮЩИХ ПО ЗЕМЛЕ	7
ЭВАКУАЦИЯ	13
ZVEZDOODY	22
ТИМУРОВЦЫ	43
СВИДАНИЕ В «САМАРРЕ»	55
САМОХОДКИ	64
КОРАБЛЬ	74
КТО-ТО ДОЛЖЕН СМОТРЕТЬ.....	91
ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ ХОЛОДНЫХ КОТЛЕТ.....	102
ПОГРАНИЧНЫЙ КОНФЛИКТ.....	118
ДОБРОЙ ОХОТЫ	130
АМТЪÖD	150
ВАКАНСИЯ	178
ТОМАС И ТУК	192
ЦАРИЦА НОЧИ	201
СЛЕТЫ К НАМ, ТИКИЙ ВЕЧЕР	209
МАГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ.....	220

ПРЕДПОСЛЕДНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

ПОШАГОВАЯ ИНСТРУКЦИЯ ДЛЯ ПУТЕШЕСТВУЮЩИХ ПО ЗЕМЛЕ

● По большому счёту всякое путешествие следует считать последним и относиться к нему соответственно: в ясном уме и полном сознании с благодарностью проживать. Однако «последнее путешествие» звучит чересчур драматично. Так мы, чего доброго, впадём в уныние, и на всё остальное у нас не останется сил. Поэтому лучше каждое путешествие считать предпоследним. Так ценность его становится очевидной, но без трагического накала и романтической обречённости, почти неизбежно сопутствующей всем самым последним в жизни событиям и делам.

● Путешествовать следует наземным транспортом. Самолёты для настоящего путешествия не подходят. Они хороши, чтобы быстро перемещаться из пункта А в пункт, предположим, Бэ. Это удобно, я тоже часто пользуюсь этой возможностью, почему бы и нет. Просто стремительные перемещения по воздуху — это не путешествия. Настоящее путешествие осуществляется в непрерывном контакте с планетой. По земле — колёсами и ногами. Ну или по воде. Но с водой у меня маловато опыта, да и тот — сплошной ликующий вопль. Поэтому создавать пошаговую инструкцию для водного путешествия должен кто-то другой.

● Выбирая цель путешествия, следует полагаться не только на собственные желания, но и на волю судьбы. Или скажем иначе, специально для фаталистов: да, судьба всегда сама всё решает, но пусть она выбирает вариант из нашего списка, а то ведь придёт со своим.

● Можно составить перечень городов, куда мы давно собирались, да всё откладывали, или мест, куда стремимся снова вернуться, станций пригородной электрички, где когда-то хотелось выйти и посмотреть, что вокруг, или просто доступных нам прямо сейчас по деньгам и по времени населённых пунктов на букву, к примеру, С или Д, и устроить себе лотерею: записать названия на бумажках, вытащить одну наугад. Или съездить по делу, лучше необязательному и приятному; белые ночи, концерт, цветение слив, или выставка вполне подойдут. Можно просто прийти на вокзал и вскочить в электричку, которая прямо сейчас отправляется, куда — разберёмся потом. Или ткнуть наугад в расписание междугородних автобусов. Или поехать, куда друзья позовут.

● Популярные туристические маршруты в качестве цели предпоследнего путешествия выбирать не советую. То есть, можно, конечно, но лучше их и себя поберечь. Популярные города так устали от бесчувственных толп, что даже нормальным гостям редко рады: привет, ты на кой припёрся? — и весь разговор. Хотя безоглядной любовью их усталость обычно лечится; ну, это общее правило, не только для путешествий: тому, кто способен безоглядно любить, можно всё.

● Отправляться в предпоследнее путешествие следует не на последние деньги, а тоже на предпоследние. Человек так устроен (сформирован культурой): отдавая последнее, мы обычно слишком многого ждём. А ждать от предпослед-

него путешествия следует только собственно путешествия. Всё остальное с нами случится, или не случится, или не с нами, или не сейчас, а когда-то, как и если захочет само.

● Путешествовать лучше налегке, с одним рюкзаком или сумкой. Это не то чтобы жёсткое правило, просто багаж затрудняет движение, связывает по рукам и ногам; иными словами, добираться с тяжёлым багажом от вокзала до гостиницы и обратно мы будем без удовольствия, а это не дело, в путешествии всякий отрезок пути, каждый шаг должен приносить наслаждение, иначе — деньги на ветер, непонятно, зачем было всё затевать.

● Приходить на вокзал или остановку автобуса следует в предпоследний момент. В самый последний не стоит, нервничать, опаздывать и бежать — невелико удовольствие, а вот явиться минуты за три-четыре, неторопливо занять своё место, зажмуриться, выдохнуть и открыть глаза в момент отправления — самое то. Иногда, открыв глаза, удаётся не просто подумать — почувствовать, что прежняя жизнь закончилась, а новая, яркая, до смешного короткая, но бесконечная жизнь-путешествие только что началась.

● Во время поездки не стоит развлекать себя соцсетями, подкастами, кинофильмами или книгами. Путешествуя, надо смотреть в окно. За окном сейчас происходит наша дорога. Больше нигде никогда никому не покажут такое кино.

● Если смотреть в окно достаточно долго, можно задремать, не закрыв глаза. И тогда за окном появятся удивительные пейзажи или фантастические существа, небо может стать земляничным, лиловым, салатным, до черноты посинеет выгоревшая трава, лесопосадки будут биться в стекло, как волны, далеко внизу, как под крылом самолёта, засияют предзакатные облака.

● Если смотреть дорожные сны наяву достаточно долго, можно проснуться, вздрогнув от мгновенного узнавания — это же тот перекрёсток, где мы с лучшим другом заблудились, когда гуляли по югу Италии, перепутали направление, чёрт знает куда заехали, пришлось возвращаться потом. Или просёлочная дорога, куда однажды внезапно свернул почти пустой автобус из Штарнберга в Мюнхен и принялся колесить по лесам, словно водитель запланировал похищение с выкупом или просто слегка обезумел, но потом оказалось, что на трассе впереди был ремонт дороги, автобус его объезжал. Или окраина латвийского городка, по которой лет пять назад шли от пляжа, поминутно сверяясь с картами в телефоне, чтобы успеть на последнюю электричку в двадцать один ноль-пять. А что итальянский перекрёсток теперь оказался на севере Польши, баварская просёлочная дорога — на въезде в Мукачево, а Балтика — где-то в Балканских предгорьях, так это вполне обычное дело. Затем и нужны путешествия, чтобы однажды своими глазами увидеть: все дороги — одна дорога. Наша. Она навсегда.

● Прежде чем выйти из поезда или автобуса в пункте своего назначения, как бы вы ни спешили, как бы вас ни торопили попутчики или встречающие друзья, обязательно надо хотя бы на долю секунды замереть на пороге, в тамбуре, на ступеньке, закрыть глаза, снова открыть их с глубоким вдохом и увидеть, что вы приехали в незнакомое новое место, в полную неизвестность, почти в никуда. (Потом-то вы, конечно, узнаете место, если тут раньше бывали, или просто поймёте, что это вокзал, они везде до смешного похожи, но это неважно. Главное — поздоровались хорошо.)

● Правило, которым многие путешественники пренебрегают, и совершенно напрасно! Приехав в новое место, надо сразу выпить там кофе. Или не кофе. Или съесть какую-нибудь еду. Голодны вы или нет, не имеет значения. Сейчас не о потреб-

ности в пище речь. А о необходимости побрататься с местом, куда мы приехали, смешав его материю с материей, из которой мы состоим. Обычно это просто жест вежливости, хотя порой встречаются города, где, пока не отведаешь местное угощение, ничего не найдёшь, в гугл-картах запутаешься, не попадётся никуда. Даже с друзьями, которые пришли встречать, разминётесь, будете бестолково кружить по вокзалу, нервно смеясь, пока не выпьете глоток противного кофе из автомата; мне он тоже не нравится, но тут ничего не поделаешь, правила следует соблюдать.

● Как вы будете проводить время и чем заниматься там, куда вы приехали, не имеет значения. Лишь бы вам это нравилось; если нет, глупо было путешествие затевать. Первая обязанность путешественника — радоваться, любить, ликовать.

● В идеале любовью и радостью должен быть наполнен каждый ваш шаг. Я имею в виду, что даже физическое ощущение от прикосновения ноги к тротуару, камню, траве, песку, или где вы там ходите, должно приносить наслаждение. Не говоря уже о вдохах и выдохах. И обо всём остальном.

● Привозить сувениры из предпоследнего путешествия совершенно бессмысленно. Оно у нас предпоследнее, эй! Не надо бегать по лавкам, тратить свои предпоследние деньги, предпоследнее время и предпоследнее место в единственном рюкзаке. Но можно подобрать, например, морскую ракушку, чтобы дома зашвырнуть её в реку, сунуть в карман каштан или камень причудливой формы, взять со стола в кофейне забытый кем-нибудь карандаш.

● В день отъезда не стоит ни печалиться, ни спешить. Путешествие ещё не закончилось, оно продолжается, мы не просто торопимся на вокзал, а гуляем по городу с восторженным сердцем, ракушкой в кармане и полупустым рюкзаком.

● Перед отъездом лучше прийти на вокзал заранее, курить у входа, стоять на перроне, закрыв глаза, слушать вполуха неразборчивые объявления на знакомых и чужих языках. В финале удачного путешествия путешественник больше не знает, кто он, зачем и откуда приехал, куда ему предстоит уезжать. В этом, собственно, заключается главная цель путешествия — забыть себя, утратить свои очертания (но свой смысл, конечно же, не терять). И тогда в черед неразборчивых объявлений, возможно, удастся услышать предназначенное для нас: через десять минут отправляется автобус до Лейна, ночной экспресс до Аграма, электричка на Кетельмак. И, подхватив рюкзак, побежать на платформу номер четыре или на пятый перрон; успеть, конечно. Не в последний момент — в предпоследний. Показать билет и спокойно войти в автобус или в свой девятый вагон.

ЭВАКУАЦИЯ

Они пришли за мной ранним утром. Но поскольку господь ко мне милосерден, это было не общественное, а лично моё раннее утро, половина одиннадцатого; я как раз успела проснуться, нажать на кнопку кофемашины, получить результат (хуже, чем просто посредственный, но от моей бандуры другого и не дождётся), разбавить сливками из пакета и даже немного отпить.

В дверь они не звонили; собственно, правильно сделали: я не ждала ни гостей, ни доставку и не стала бы открывать. Просто появились в гостиной, где я сидела, философски смиряясь с предстоящим ещё одним днём. Первый — длинный, тощий, как богомол, в камуфляжном костюме, причём серо-белых оттенков, словно он собирался скрываться во льдах. А второй — большая собака. Даже огромная. Рыжая меховая гора с тёмной мордой; кажется, эта порода называется «леонберг». Тощий коротко хохотнул, сказал: «Досрочная эвакуация. Поздравляю! Давай, голуба, с вещами на выход». А леонберг поставил мне на плечи свои передние лапищи и лизнул в нос.

Сперва я оторопела. Какая эвакуация? С какой стати? Куда? Зачем? Я же (поскольку господь, как уже было сказано, милосерден, по крайней мере, лично ко мне) не в Украине, не в Израиле, не в Судане, не в Гаити, не в Сирии,

не в Иране и где там ещё нынче самая жесьть. Я в Берлине. Здесь пока всё нормально, надеюсь, так и останется. Сейчас не наша очередь воевать.

Но потом я, можно сказать, проснулась. Пришла в себя. Это, конечно, самый прекрасный момент — когда ты вроде бы остаёшься Кларой-Катариной Зонненблум тысяча девятьсот шестьдесят второго года рождения, овном по гороскопу, гражданкой Германии и что там у людей бывает ещё, но уже ясно знаешь, кто ты на самом деле. Это такое огромное счастье, что в человека не поместилось бы, а мне — в самый раз. Одновременно ужасно смешно, а остаткам Клары-Катарины не то чтобы страшно, но стрёмно; в общем, неопикуемый кайф. Ради него одного имело бы смысл помрачённо скитаться в этом, предположим, Мидгарде. Жалко, что так редко бывает, но ладно хоть иногда.

— Шуточки у вас, — укоризненно сказали мы с Кларой-Катариной. И выпили кофе — залпом, как шнапс.

Не то чтобы мне так уж нравилось встречать старинных друзей этой сумрачной тёткой, хлебающей горькую дрянь из дешёвой кофейной машины. От Клары-Катарины легко избавиться, секундное дело, вообще не вопрос. Но пока я буду блистать на нашей с ней кухне своим сияющим великолепием, она, чего доброго, испортится. В смысле скоропостижно помрёт. И тогда начинай всё сначала: снова рождайся из чрева, ходи под себя в подгузники, а потом переживай пубертат. Нет уж, спасибо. Я лучше пока без сияющего великолепия как-нибудь перебыюсь.

— Вообще ни хрена не шуточки, — сказал Ваха.

А Миха снова лизнул меня в Кларин-Катаринин нос. Не то чтобы нам с Кларой-Катариной так уж нравилось миловаться с огромной слюнявой собакой. Но ради Михи можно и потерпеть. И заодно не заметить, как он подгрёбает под себя наш новенький тапок и с упоением вгрызается в него. Миха обожает кратко воплощаться собакой, а случай выпадает редко. Конечно, он хочет побольше успеть.

— В смысле — «не шуточки»? — переспросили мы с Кларой-Катариной. — Какая может быть эвакуация? У нас тут что, внезапно Рагнарёк?

— Да хуже, — поморщился Ваха. — Рагнарёк уже не поможет. Бессмысленная затея. Только людей мучить зря.

— Ну, положим, они и так нормально справляются. Сами распрекрасно друг друга мучают. Но до сих пор это почему-то не было поводом меня отсюда спасать.

Ваха неопределённо пожал плечами, типа мало ли чего там раньше у нас было-не было. Всё меняется! И сказал:

— Ты давай собирайся. В смысле позвони кому надо или оставь записку, если хочешь своим знакомым какие-то ценности завещать.

— Совсем сдурил, — вздохнули мы с Кларой-Катариной.

— Ну да, — легко согласился Ваха, — глупость ужасная. Какая разница, кому достанется твоё барахло. Просто тебе всегда нравилось, чтобы дела были в полном порядке...

— Хренассе барахло! — возмутились мы с Кларой-Катариной (причём я, кажется, даже больше). — У меня тут картины. Коллекция. Уникальная. Охеренная! Да вы сами на них посмотрите.

Миха мгновенно бросил тапок и уставился на стену у меня за спиной. Ваха взвёл глаза к потолку, изображая (не особо умело) христианского мученика, доедаемого добрыми самаритянами (или кому там по легенде положено мучеников терзать). Потом всё-таки присмотрелся к картинам. Присвистнул:

— Ого.

— То-то же, — торжествующе усмехнулись мы с Кларой-Катариной. — Вот такое у меня барахло. В спальне ещё десяток. Остальные картины пока стоят в гардеробной. Места на стенах мало, а крутых художников много. Но лучше так, чем наоборот.

Они таращились на картины минут десять, не меньше. Для ангелов, которые человеческим искусством не особо интересуются, абсолютный рекорд.